

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ И РЕФЕРЕНДУМЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

***Аннотация.** В статье рассматривается международно-политическое значение демократических процедур выборов и референдумов в западных странах с точки зрения влияния их результатов на трансформирующуюся модель мирового порядка. Отталкиваясь от предположения, что в настоящее время в западных странах сформировался общественный запрос на изменение вектора внутренней и внешней политики, анализируется актуальная динамика электоральных предпочтений как непосредственное отражение соответствующего запроса. Отдельное внимание уделено оценке результатов референдума о членстве Великобритании в ЕС и выборов Президента США в 2016 году. В рамках исследования представлено авторское восприятие свободных и справедливых выборов в контексте актуальных тенденций в развитии соответствующего института.*

***Ключевые слова:** выборы, референдум, мировой порядок, США, ЕС, популизм.*

DEMOCRATIC ELECTIONS AND REFERENDUMS WITHIN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER

***Abstract.** The article examines the international and political significance of democratic procedures for elections and referendums in Western countries in terms of the impact of their results on the transforming world order model. Based on the assumption that a public request for a change in the domestic and foreign policy vector has now been formed in Western countries, the current dynamics of electoral preferences is analyzed as a direct reflection of the relevant request. Special attention is paid to the evaluation of the results of the referendum on UK membership in the EU and the election of the US President in 2016. The author's perception of free and fair elections is presented in the context of current trends in the development of the relevant institution.*

***Keywords:** elections, referendum, world order, the United States, EU, populism.*

Трансформирующийся мировой порядок является объективной реальностью для международно-политического развития второго десятилетия XXI века¹. Признание этого факта обуславливает актуальность и теоретико-прикладную значимость дискуссий о роли и степени вовлеченности в соответствующий процесс интегрированных в него государств. События, произошедшие за последние несколько лет и определившие принципиально новые тенденции в развитии мирового политического процесса, а также их последствия позволяют нам исходить из предлагаемой в данной статье гипотезы, построенной на допущении, что демократические процедуры выборов и референдума в современном мире становятся непосредственными инструментами трансформации действующей модели мирового порядка посредством актуализации общественного запроса на изменение вектора внутренней и международной политики.

* * *

Сегодня мир находится в геостратегически нестабильном состоянии, функционирующем в условиях глобальной конфронтации, которое характеризует трансформационные тренды в актуальной модели мирового порядка. Основными инструментами конфронтационной политики становятся санкции, информационная война и альтернативные инструменты, преимущественно входящие в арсенал так называемой «мягкой силы». Наступившая реальность способствует актуализации процесса перераспределения ролей между государствами — актерами мировой политики. В современном мире во многом за счет активизации процессов глобализации и интеграции создается проект, предполагающий неформальное противостояние провозгласившего себя лидером условного «Запада» и остальной части мира. Обозначенная условность вызвана размытостью географических границ соответствующего специфического участника мирового политического процесса, а также тем, что приобщение к нему каких бы то ни было конкретных государств продиктовано в большей степени цивилизационными, геополитическими и ментальными причинами. Полагаем, что структурно условный «Запад» состоит из двух типов интегрированных в него государств — функционального ядра, являющегося фактическим инструментом осуществления конфронтационной международно-политической стратегии, и управляющего центра. В настоящее время функциональным ядром, с нашей точки зрения, можно считать большую часть западноевропейских государств, а также группу стран, тяготеющих и стремящихся к европейской модели развития. Управляющим центром в соответствии с предлагаемой концепцией являются США по причине

¹ Ежов Д. А., Коняев С. В. Тенденции и перспективы современного мирового порядка // Геополитический журнал. — 2016. — № 3(15). — С. 61–65.

невозможности отказа от веры в миф об исторической исключительности, а также претензии на сильное и устойчивое лидерство в мире, закрепленной в действующей Стратегии национальной безопасности США.

Необходимым представляется пояснить, что по мере эволюции конфронтационной линии неформальные границы условного «Запада» могут подвергаться изменениям. В частности, спровоцировавшая возникновение феномена поляризации общества трансформация социальных настроений и электоральных предпочтений может впоследствии привести к частичной деконструкции господствующей модели. Данный факт во многом создает предпосылки для коррекции политической повестки дня государствами, номинально относящимися к условному «Западу».

Остальная часть мира представлена совокупностью значимых игроков на мировой политической арене, большинство которых сконцентрировано в пределах евразийского пространства. В отличие от условного «Запада», определение явного лидера среди акторов альтернативного полюса затруднительно ввиду имеющейся вариативности. С нашей точки зрения, в качестве доминирующих центров притяжения в этой системе координат могут рассматриваться страны БРИКС и ШОС. Активизация этих международных организаций вызывает серьезную обеспокоенность на Западе. При этом мы не можем исключать, что особое значение в рамках обозначенного пространства в перспективе с высокой долей вероятности будет отводиться России как члену указанных выше организаций и важнейшему актору мировой политики с учетом преодоления страной кризисных явлений в экономической сфере в среднесрочной перспективе.

* * *

Сформулированная ранее гипотеза, построенная на допущении, что демократические процедуры выборов и референдумов в современном мире становятся непосредственными инструментами трансформации действующей модели мирового порядка посредством актуализации общественного запроса на изменение вектора внутренней и международной политики, дает основание для идентификации серии событий в качестве комплексного перспективного тренда, воплощающего новый подход к мироустройству. Эта совокупность событий непосредственно включает в себя референдум в Великобритании по вопросу выхода из Евросоюза (Brexit²) и победу Дональда Трампа на выборах Президента США. Учитывая сопоставимую международно-политическую значимость указанных событий с точки зрения влияния на политическую картину мира, мы склонны согласиться с имеющейся в новейшей научной литературе позицией, подразумевающей

² Brexit (англ.) — сокращение от английских слов Britan (Британия) и Exit (выход).

условную идентификацию данных событий как «Брекзит-1» и «Брекзит-2»³. В действительности, и результаты референдума о выходе из состава ЕС в Великобритании, и победа Д. Трампа стали в определенном смысле «внесистемными» решениями на пути трансформации актуальной модели мирового порядка. И в том, и в другом случае нашел отражение запрос на содержательные изменения, прозвучавший от лица рядовых избирателей.

Заметим, что в рамках актуализации рассматриваемого тренда приоритетное значение имеет не столько победа на выборах того или иного кандидата либо партии, сколько факт существенного изменения соотношения электоральных предпочтений граждан того или иного государства, вызванный коренной трансформацией ценностных ориентиров, ставшей следствием запроса на изменения. По этой причине мы склонны также рассматривать в данном контексте выборы в ряде европейских государств. Так, характерными примерами являются победы сторонников евроскептицизма на выборах глав Болгарии и Молдавии в ноябре 2016 года. Полагаем, что ареал распространения идей евроскептицизма на уровне официальной власти имеет в перспективе тенденцию к расширению за счет западноевропейских государств, что в будущем будет способствовать переформатированию риторики в области международной политики и последовательному смягчению конфронтационной линии. В указанном отношении в качестве наиболее ярко выраженного показателя следует рассматривать направление внутривнутриполитической борьбы накануне президентских выборов во Франции, состоявшихся в апреле 2017 года. Оно характеризуется выдвижением на главенствующие роли политических деятелей, видящих в основе своих предвыборных стратегий курс, ориентированный на конструирование прагматичной модели международной политики, содержательно построенной на идее отказа от тотальной европеизации западной части мира, географически тяготеющей к соответствующему континенту.

Таким образом, происходящие на международной арене политические изменения являются фактическим отражением демократического волеизъявления граждан. Ниже представляется обоснованным оценить международно-политическое значение указанных выше событий в контексте заявленных цели и задач.

* * *

Референдум в Великобритании о членстве в ЕС прошел 23 июня 2016 года и завершился победой евроскептиков. Особенность Brexit как референдума в том, что в данном случае пришедшие на него граждане

³ Ананьева Е. В., Каневский П. С. Брексит-1 и Брексит-2: Британия и США меняют парадигму? — М.: Ин-т Европы РАН, 2016. — 72 с.

выбирали не только свою судьбу и судьбу своей страны, а без преувеличения — будущее миропорядка. Результат в 51,9 процента голосов за выход Великобритании из ЕС в противовес 48,1 процента голосов — против при явке в 72 процента от общего зарегистрированного числа избирателей продемонстрировал фактический раскол британского общества на два лагеря. Был ли ожидаемым получившийся результат? Несмотря на оптимистические ожидания сторонников интеграции, был, и вполне очевидным. Референдум, как и выборы, предполагает альтернативу, а реальные обстоятельства в виде усиления негативных настроений части потенциального электората в связи нарастающим миграционным кризисом и иными факторами, в том числе, экономического характера, на фоне актуализации системных дефектов, заложенных в основу функционирования ЕС, привели к поляризации предпочтений избирателей.

Первостепенное значение в формировании электоральных предпочтений, доминирование которых привело к торжеству идеи евроскептицизма, большинство ученых склонно видеть концентрацию экономических катаклизмов на европейском пространстве, крупнейшие из которых — мировой финансовый кризис (2008–2009) и долговой кризис в еврозоне (2011–2013)⁴. На этом фоне невольно вспоминается экономическая теория демократии Э. Даунса⁵: Великобритания, являясь, мягко говоря, не самой бедной страной в ЕС, фактически в ущерб национальным интересам субсидировала посредством финансирования ЕС европейские государства со сравнительно более низким уровнем экономического благополучия. Очевидно, что отчасти этим постулатом и руководствовались сторонники Brexit, принимая решение на референдуме рационально и рассчитывая улучшить свое положение в экономическом смысле и, что самое главное, заявить на уровне референдума, как демократической процедуры путем реализации права голоса, о том, что в обществе созрел запрос на изменения.

Если же посмотреть на поднятую проблему более широко, мы увидим, что результат Brexit — это всего лишь начало. Собственно, он лишь спровоцировал рост динамики центробежных настроений в ареале стран ЕС, создав определенный прецедент, ставший перспективным ориентиром для других государств. Примечательно, что до этого в пределах объединенной Европы наблюдались прямо противоположные — центростремительные тренды⁶. Важным в данном контексте является осознание роли ЕС в современном мире, которую сложно преуменьшить в процессе складывания нового мирового порядка. Вопрос в том, будет ли одним из полюсов формирующегося мирового порядка Единая Европа или эта роль достанется

⁴ Морозова Е. Г., Фалина А. С. Брексит как новая реальность Европы: мнения и оценки экспертов // Власть. — 2017. — № 4. — С. 162.

⁵ Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957. 310 p.

⁶ Дронова С. Ю. Центробежные тенденции в Великобритании и Испании в контексте Brexit // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2017. — № 1. — С. 74.

отдельным, наиболее сильным европейским государствам. Несмотря на появляющиеся сценарии реконструкции ЕС⁷, такой сценарий развития событий мало реалистичен, по крайней мере, в обозримой перспективе.

* * *

Фактически через 4,5 месяца после Brexit мир постигло новое потрясение — на выборах Президента США победил Д. Трамп, что явилось порождением и в то же время следствием известного парадокса двухступенчатой американской избирательной системы, предполагающей не только всенародное голосование, но и голосование коллегии выборщиков. Примечательно, что Д. Трамп стал пятым американским президентом, набравшим меньшее количество голосов избирателей, но при этом победившим в результате голосования коллегии выборщиков⁸.

Вопрос в том, как связаны между собой два этих события — Brexit и победа Д. Трампа? Ответ находится на поверхности: и в том, и в другом случае избиратели своими голосами продемонстрировали запрос на изменения, причем мирового масштаба, так как в первом случае речь идет о судьбе Единой Европы, а в другом — о пути одного из крупнейших государств мира, претендующего на роль глобального лидера. И в случае Д. Трампа не так важно, что общее количество голосов, отданных за него в рамках всенародного голосования, меньше, чем за его оппонента — Х. Клинтон. Д. Трамп — кандидат несистемный, и в течение практически всей избирательной кампании сталкивался с явным противодействием американского истеблишмента. Не исключено, что в случае, если бы этого противодействия не было, или оно было бы минимизировано, результат кандидата в Президенты США Д. Трампа на выборах мог бы быть еще более уверенным, чем есть по факту.

Почему половина американских избирателей отдала свои голоса за Д. Трампа? На этот вопрос ответ содержится абзацем выше — Д. Трамп — кандидат несистемный, поэтому и оказался интересен избирателям в условиях усталости от относительной предсказуемости его предшественника на посту Б. Обамы. На фоне Х. Клинтон кандидат Д. Трамп оказался более простым и понятным, именно тем лицом, которое соответствует потребностям и ожиданиям рядового избирателя⁹, или другими словами, отвечает сложившемуся архетипу. По большому счету, «феномена Трампа», о котором активно пытаются рассуждать в экспертном сообществе, как такового не существует, потому что нет ничего феноменального в том,

⁷ Blockmans S., Emerson M. The Impact of Brexit on the UK and the EU // European neighborhood watch. 2016. № 126. P. 1–2.

⁸ Ранее подобные случаи были зафиксированы в 1824, 1876, 1888, 2000 гг.

⁹ Гасанов И. Б. О победе Дональда Трампа, или Почему «город» и «деревня» голосуют по-разному // Гражданин. Выборы. Власть. — 2016. — № 4. — С. 191–198.

что главой государства становится человек, транслирующий во время предвыборной кампании то, что хотят услышать избиратели. Выбрав Трампа, рядовые американцы реализовали созревший у них запрос на изменения. В отличие от своего оппонента Трамп апеллировал преимущественно к внутривнутриполитической повестке дня (для примера можно привести нашумевший проект ликвидации программы Obamacare или идею уменьшения налогов для представителей среднего класса и бизнеса путем снижения максимальной ставки подоходного налога с 39% до 33%); делал в своих программных заявлениях акцент на приоритете обеспечения национального суверенитета США (для примера приведем идею строительства стены на границе с Мексикой). Внешнеполитическая повестка при этом была хотя и второстепенной, но выглядела контрастной по сравнению с позицией основного оппонента в лице Х. Клинтон (налаживание отношений с Россией).

Другой вопрос в том, что, как именно реализовать все сделанные во время предвыборной кампании обещания, кандидат Трамп (ставший впоследствии президентом) не знал, а возможно, что не представляет этого до конца и во время нахождения у власти. Подобное явление называется популизмом, и свидетелями его актуального варианта, лежащего в основе так называемого условного «феномена Трампа», сегодня становится весь мир. При этом пример Д. Трампа среди представителей власти не исключителен. Так, в результате прихода к власти в Великобритании консервативного кабинета Т. Мэй вследствие парламентских выборов в июне 2016 года, пост министра иностранных дел занял Б. Джонсон, отличавшийся довольно неоднозначными заявлениями.

Дальнейшие шаги Трампа на посту Президента США представляются нам мало прогнозируемыми, равно как и тактика поведения членов Правительства Великобритании после Brexit. В случае с Д. Трампом, в частности, довольно показательными являются факт проведения ставшей поистине историческим событием встречи Президента США с северо-корейским лидером Ким Чен Ыном в июне 2018 года, а также диссонанс в восприятии характера российско-американских отношений (в том числе, и в вопросе о территориальной принадлежности Крыма) в официальном и публичном дискурсах¹⁰.

* * *

Очевидным остается факт, что в обоих случаях избирателями сделана заявка на пересмотр устоев, цементировавших современный мировой порядок. В оценке итогов преобразований в Европе и США мы склонны

¹⁰ Согласно данным СМИ, Д. Трамп на саммите в Канаде заявил лидерам «Большой семерки» (G7), что Крым принадлежит России, позднее в беседах с журналистами не исключил признания Крыма частью России. Заметим, что такая позиция диаметрально противоположна официальной риторике американских властей.

разделить точку зрения А. А. Громыко, говорящего о «разновидности нового популизма, отражающего во многом настроения опорного электората общества благосостояния, сложившегося во второй половине XX века в развитых индустриальных, а затем и постиндустриальных государствах». На фоне определения популизма в качестве «новой нормальности в развитии партийно-политических систем», он подчеркивает, что «прогрессировавшая все последние годы дифференциация в доходах западного среднего класса, расслоение, обеднение его нижних слоев находит теперь выражение в грозных для традиционных моделей развития феноменов брекзита, трампизма, в разрушении «заливочных форм» политического процесса в европейских странах и США»¹¹.

Таким образом, получается, что европейский и американский электорат, вследствие ожидания лучшего (в качестве рефлексии теории рационального выбора) и, ориентируясь на красивые предвыборные речи, выбирает неизвестность, тем самым принимая непосредственное участие в пересмотре подхода к организации мирового порядка, необходимость которого является объективной неизбежностью под воздействием внешних и внутренних вызовов. В то же время мотивом к поиску альтернатив является уже неоднократно нами упоминавшийся и объективно существующий запрос на изменения, воплощаемый вследствие свободного волеизъявления на выборах и референдумах. Симптоматичными в этом смысле являются результаты выборов в некоторых европейских странах. Так, например, в 2016 году в первом туре выборов Президента Австрии одержал победу представитель Австрийской партии свободы Н. Хофер; в 2017 году на выборах Президента Франции при подсчете голосов избирателей практически вплотную к лидеру гонки Э. Макрону подошла лидер Национального фронта М. Ле Пен. Основываясь на совокупности изложенного, можно говорить об увеличении в европейских государствах электорального потенциала политических сил, пропагандирующих идеи национализма и евроскептицизма. Данный тренд, по нашему убеждению, способствует углублению кризиса традиционных европейских партий, основу которого следует искать в смещении акцента с общеевропейских ценностей на национальные приоритеты, а также в системных проблемах. Сложно не согласиться с А. О. Лапшиным в том, что «государственно-суверенная и глобальная, экологическая и нравственная составляющие, т.е. все компоненты современного так называемого развитого общества, испытывают давление со стороны системных кризисных тенденций»¹². Совокупность указанных факторов является содержательным наполнением европейского политического пазла, инструментом формирования которого становится новая электоральная реальность.

¹¹ Громыко А. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. — 2016. — № 6 (72). — С. 9.

¹² Лапшин А. О. Еще раз о власти // Власть. — 2017. — № 9. — С. 182.

Не отрицая, что Brexit в этом отношении стал первым серьезным «звонок», побудившим руководство Евросоюза обратить внимание на новую электоральную реальность, полагаем, что события в Германии являются достаточно показательными, поскольку, обнажив скрытые проблемы, спавшие глубоко в сознании европейского социума, они спровоцировали затяжной политический кризис. Итоги любых выборов — это отражение актуального состояния общественного мнения, а в случае, если граждане того или иного государства оказывают ощутимое предпочтение оппозиционным силам, даже не выводя их в лидеры гонки, речь идет о назревании социального запроса на изменения, что в норме должно побудить действующие власти к пересмотру стратегии конкретных действий. По результатам выборов 2017 года в Бундестаг Германии значительно ослабили позиции единый консервативный блок ХДС/ХСС и СДПГ. Несмотря на то, что партии остались крупнейшими силами в парламенте, в совокупном отношении они потеряли более 100 мандатов. На этом фоне примечательно, что, заняв на выборах третье место, в состав парламента Германии с 94 мандатами вошла партия евроскептиков под названием «Альтернатива для Германии», получившая представительство впервые. Вследствие существенного изменения баланса партийного представительства на фоне падения доли в Бундестаге блока ХДС/ХСС, а также СДПГ, и появления в качестве парламентской партии «Альтернативы для Германии», видящей в качестве своей цели выход Германии из еврозоны, возникли предпосылки для политического кризиса, эффективное и быстрое разрешение которого представляется иллюзорным. На имеющемся фоне можно констатировать дестабилизацию социально-политической обстановки, в перспективе ведущую к социальному расколу. Так, во время съезда третьей по численности партии в немецком бундестаге — партии «Альтернатива для Германии», прошедшего 2 декабря 2017 года в Ганновере, были отмечены массовые беспорядки, организованные противниками ультраправых. При этом заметим, что происходящие события, заключенные в увеличении поддержки националистических и ультраправых сил, в целом отражают общее направление мирового развития, не являясь из ряда вон выходящими. Так, по мнению К.С. Гаджиева, «ныне все более растущие популярность и влияние получают националистические и сепаратистские движения, организации, партии, которые выступают против глобализма, универсализма и транснационализма, пытаются защищать традиционные ценности и институты, лежащие в основе иудео-христианской цивилизации»¹³.

Имеющие место тенденции в США и Европе дают основание по-новому взглянуть на проблему обеспечения свободных и справедливых выборов; они обуславливают значимость попытки обосновать то, что

¹³ Гаджиев К. С. О единстве и фрагментации современного мира // Власть. — 2017. — № 9. — С. 8.

могут собой представлять истинно справедливые выборы. Свободные и справедливые выборы — важнейший атрибут демократии. Согласно общепринятым представлениям, справедливые выборы предполагают обеспечение со стороны государственной власти всеобщего равного избирательного права, а также равных прав и возможностей участников выборов во время проведения избирательной кампании; соблюдение и защиту избирательных прав. Этот факт неоспорим, и вряд ли целесообразно подвергать его какому бы то ни было обсуждению. Однако время идет неумолимыми темпами, трансформируется восприятие демократии, а избирательный процесс все более подвержен технологизации. В современных условиях новое звучание обретает проблема обеспечения свободных и справедливых выборов, и центральное значение в соответствующем контексте имеет непосредственное восприятие семантической составляющей справедливости общественным сознанием, соотносимой с выборами как волеизъявлением граждан.

Институциональное измерение справедливых выборов с точки зрения обеспечения права выбора имеет место в демократических государствах, но, как демонстрирует современная электоральная практика, возможность реализации соответствующего права везде различна. Так, наиболее характерным примером стала ситуация с непризнанием официальными властями Испании итогов референдума в Каталонии, состоявшемся 1 октября 2017 года, отличившийся жесткими полицейскими способами подавления проявлений электоральной активности, оценка которых с точки зрения норм права и морали весьма неоднозначна. Движение за независимость Каталонии имеет глубокие корни, а попытки проведения референдума и ранее блокировались официальными властями Испании. Сам вопрос сохранения Каталонии в составе Испании спорен и находится за рамками данного исследования. Интересующий нас вопрос сводится к оценке степени оправданности применения силового подхода как попытки пресечения волеизъявления избирателей с точки зрения соблюдения права выбора вместо того, чтобы сесть за стол переговоров и попытаться найти компромисс как альтернативы, несмотря на призывы к диалогу со стороны Еврокомиссии. Конкретное проявление «демократии по-испански» формирует прецедент и в очередной раз демонстрирует практику двойных стандартов в действии.

Официальная позиция ЕС и США свелась преимущественно к поддержке идеи единой Испании, при обозначении которой внимание акцентировалось отнюдь не на недемократичных методах работы испанской полиции, выразившихся в применении против участников референдума шумовых гранат и резиновых пуль. Однако стоит, например, в России провести задержания кого-либо из представителей несистемной оппозиции за нарушение общественного порядка, представители западного полити-

ческого истеблишмента делают из этого трагедию вселенского масштаба, взывая к необходимости соблюдения прав человека.

* * *

Наряду с признанием значения институционального измерения справедливых выборов как атрибута демократии полагаем оправданным сосредоточить внимание на другой стороне рассматриваемого явления, представляющей собой совокупность суждений, мнений и оценок о степени справедливости выборов, находящих отражение в общественном сознании, что в конечном счете сказывается на признании демократических процедур как легитимных или, напротив, нелегитимных.

Сконцентрируемся на нескольких тезисах, раскрытие которых позволит нам выявить восприятие справедливости выборов в обществе.

Тезис первый. Степень самостоятельности выбора коррелируется с восприятием справедливости выборов. Голосование избирателя на выборах любого уровня является актом свободного волеизъявления гражданина, как и участие или неучастие в них. Естественно, избиратель самостоятельно принимает решение, идти ли ему на избирательный участок и за кого голосовать. Однако соответствующее решение формируется под воздействием средств массовой информации, а также влиянием предвыборной агитации, манипулятивных и административных технологий, что дает нам определенные основания рассматривать в данном контексте степень самостоятельности выбора как объективно выраженную, но технологически ограниченную. При этом важно отметить, что избиратель при осуществлении выбора об этом не задумывается и рассматривает сформировавшуюся позицию исключительно как свою собственную. Соответственно, общественное сознание степень восприятия самостоятельности выбора как технологически ограниченную если и воспринимает, то на номинальном уровне.

Тезис второй. Степень конкурентности выборов коррелируется с восприятием справедливости выборов. Чем больше представителей различных политических партий и движений допускается к участию в избирательной кампании, и, соответственно, чем больше зарегистрированных кандидатов, тем выше степень конкурентности выборов. Однако количество не всегда соотносится с качеством, и в большинстве случаев принцип «равный среди равных» среди участников выборов с точки зрения способности последних к реальной, а не формальной соревновательности срывает далеко не всегда. В результате возникающей рефлексии в сознании электората генерируется восприятие спектра участников изначально конкурентной избирательной кампании как «несправедливого», что порождает суждения о безальтернативных выборах и подобных малообъяснимых с точки зрения политической теории явлениях.

Тезис третий. Результаты выборов коррелируются с восприятием справедливости выборов. Результаты выборов являются отражением воли избирателей. В современном и, в особенности, российском обществе распространено мнение, что на итоги выборов повлиять никаким образом нельзя, по той причине, что они заранее предreshены. Такая позиция обуславливает возникновение абсентеистских настроений, хотя и базируется на заблуждении, имеющем в определенном смысле характер мифа и находящем свои истоки в особенностях политико-правовой культуры российского социума. Абстрагируясь от сказанного, заметим, что в большинстве случаев отдельными группами избирателей результаты выборов вне зависимости от объективности подсчета голосов будут считаться «недостаточно справедливыми» в силу поляризации электората. Исключением из правила при этом может являться предельная степень общественной консолидации и беспрецедентный уровень поддержки лидера предвыборной гонки в той степени, в какой генезис подобной ситуации могут предполагать демократические политические системы.

Актуальные тенденции в развитии политического и избирательного процесса не в состоянии нивелировать такие ценности, как право избирать и право быть избранным. Доминирующий характер восприятия справедливости выборов общественным сознанием вызван латентными склонностями к поиску изъянов в организации избирательного процесса по причине недоверия к институтам власти. Механизмом искоренения данного тренда может являться углубление курса на повышение степени открытости и прозрачности выборов.

* * *

В заключение можно сделать вывод о том, что стремление западного электората к пересмотру основ устоявшейся системы, выраженное в реформировании структуры традиционных электоральных предпочтений, склонности к внесистемности и популизму при волеизъявлении, следует рассматривать в качестве реакции на совокупность внутренних проблем (экономические неурядицы, миграционный кризис, потенциальное понимание пути развития как тупикового и т.д.) и внешнего конфронтационного фона. Электоральные неожиданности, имевшие место в Великобритании и США, Австрии и Франции, а также других государствах, в силу изложенных нами причин обладают тенденцией к дальнейшей территориальной экспансии. В своем международно-политическом значении выборы в западных странах становятся существенным и эффективным механизмом трансформации мирового порядка вследствие ретрансляции социальных настроений.

Список литературы

1. Ананьева Е. В., Каневский П. С. Брекзит-1 и Брекзит-2: Британия и США меняют парадигму? — М.: Ин-т Европы РАН, 2016.— 72 с.
2. Гаджиев К. С. О единстве и фрагментации современного мира // Власть.— 2017.— № 9.
3. Гасанов И. Б. О победе Дональда Трампа, или Почему «город» и «деревня» голосуют по-разному // Гражданин. Выборы. Власть.— 2016.— № 4.
4. Громько А. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа.— 2016.— № 6 (72).
5. Дронова С. Ю. Центробежные тенденции в Великобритании и Испании в контексте Brexit // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.— 2017.— № 1.
6. Лапшин А. О. Еще раз о власти // Власть.— 2017.— № 9.
7. Морозова Е. Г., Фалина А. С. Брексит как новая реальность Европы: мнения и оценки экспертов // Власть.— 2017.— № 4.
8. Blockmans S., Emerson M. The Impact of Brexit on the UK and the EU // European neighborhood watch. 2016. № 126.
9. Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957. 310 p.